

А. В. Махлаюк, К. В. Марков

ИСТОРИК И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ:
«РИМСКАЯ ИСТОРИЯ» ДИОНА КАССИЯ КАК ПАМЯТНИК
ИСТОРИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ III в. н.э.*

Написанная на греческом языке в конце II – первые десятилетия III в. н.э. высокопоставленным римским сенатором восточного происхождения Кассием Дионом¹ «Римская история» в 80-ти книгах (Ῥωμαϊκὴ ἱστορία

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «“Римская история” Диона Кассия как памятник исторической и политической мысли эпохи позднего принципата: перевод с древнегреческого, научный комментарий, исследования», проект № 07-01-00047а. Авторы выражают искреннюю признательность А.Л. Смышляеву за его неизменное внимание к нашей работе, дружескую поддержку и исключительно ценные замечания, высказанные при обсуждении различных аспектов перевода и изучения «Римской истории» Диона Кассия. Важным фактором для выполнения данной работы стала исследовательская стажировка А.В. Махлаюка в Институте классического антиковедения при Университете им. Мартина Лютера в Галле-Виттенберге в сентябре 2007 г., которая состоялась благодаря любезному приглашению и всесторонней помощи профессора Андреаса Меля. Ему и другим сотрудникам института, прежде всего Т. Брюгеману и Х. Милете, мы также выражаем сердечную благодарность.

¹ Полное имя историка, скорее всего, было Луций Клавдий Кассий Дион Коккейан. Наименование *Клавдий Кассий Дион* устанавливается на основе найденной в Македонии надписи – АЕ. 1971. 430. См. о ней: *Touratsoglou J.P.* Δύο νέα επιγραφικά μαρτυρία περὶ τοῦ κοινοῦ τῶν Μακεδόνων κατὰ τὸν τρίτον μεταχριστιανικὸν αἰῶνα // *Ancient Macedonia. I. Thessaloniki*, 1970. P. 280–290. Pl. LXXVII. Цит. по статье: *Gowing A.M.* Dio's Name // *CPh.* 1990. 85. 1. P. 49–54. Агномен *Κοκκιανός* или *Κοκκηνανός* фигурирует только у византийских авторов (*Phot. Bibl.* 71; *Suidas.* s.v. Δίως; s.v. Κοκκιανός). А. Гоуинг стремится показать, что агномен Диона *Cocceianus* был ошибочно приписан историку в результате совмещения его с известным оратором II в. н.э. Дионом Христом, который был земляком Диона и, как считали раньше (например, *Peter H.* Die geschichtliche Literatur über römische Kaiserzeit. Bd I. Lpz, 1897. S. 431), возможно, приходился ему дедом. Впрочем, Ф. Миллар допускал, что имя Диона действительно появилось в результате брачных связей между Кассиями из Никеи и семейством, к которому принадлежал Дион Коккейан из Прусы (*Millar F.* A Study of Cassius Dio. Oxf., 1964. P. 11–12). Личное имя Луций фигурирует в одном военном дипломе 229 г. н.э. (*Roxan M.* Roman Military Diplomas 1978–1984. L., 1985. № 133). Принятое в русскоязычной литературе и встречающееся иногда в старых зарубежных работах наименование *Дион Кассий*, строго говоря, не соответствует правилам римской номинации, но имеет право на существование, так как именно такой порядок был обычным в греческом употреблении: Δίων ὁ Κάσσιος (*Cary E.* Introduction // *Dio's Roman History / With an English Translation by E. Cary on the Basis of the Version of H.B. Foster. In Nine Volumes. Vol. I. Cambr. (Mass.), 1914. P. IX.*

Родиной Диона была Никея (совр. Isnik) в Вифинии (*Dio.* LXXV. 15. 3). Об имени и родине Диона см. также *Millar. A Study...* P. 7 ff.; *Ameling W.* Cassius Dio und Bithynien // *Epigraphica Anatolica. Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens.*

или 'Ρωμαϊκῶς) не только представляет собой своеобразный образчик исторической мысли и историографического жанра, ценный источник фактических сведений по различным эпохам истории Рима, но и является весьма примечательным памятником политической мысли, отразившим важные контroversы и проблемы того смутного периода, который начался после «золотого века» Антонинов и со второй трети III столетия вылился во всеобъемлющий кризис Римской державы.

От большей части этого труда, написанного в анналистическом жанре и охватывающего более чем тысячелетний период (от прибытия в Италию Энея и основания Рима до конца 229 г. н.э.), мы располагаем сравнительно немногими полностью сохранившимися частями, отдельными более или менее крупными фрагментами, а также пересказами и экcцерптами в сочинениях византийских авторов X–XII вв. В достаточно полном виде до нас дошли только книги с XXXVI по LX, охватывающие период с 68 г. до н.э. по 57 г. н.э. и частично книги LXXVIII и LXXIX (или LXXIX и LXXX по делению У. Буассевэна) о событиях 217–220 годов, т.е. в общей сложности около 1/3 всего сочинения. Для книг с I по XXI и, в меньшей степени, для XLIV–LXVII важна эпитома, составленная в начале XII в. Иоанном Зонарой, секретарем императора Алексея I, позже монахом Афонского монастыря. Содержание книг, начиная с LXI, известно главным образом благодаря эпитамам, выполненным византийским монахом XI в. Иоанном Ксифилином по распоряжению императора Михаила VII Дуки (1071–1078).

Всю историю Рима Дион делит на три больших периода (LII. 1. 1; LIII. 19; LXXI. 36. 4; LXXII. 4. 2): первый охватывает время от начала Рима до конца Республики; второй – от основания принципата до смерти Марка Аврелия; и третий – современную Диону эпоху. Композиционно 80 книг «Римской истории», скорее всего, подразделялись на декады. При этом описание событий, связанных с падением республики и установлением принципата, занимает в ней особое место по полноте и детальности передаваемой информации², и, кроме того, именно эта часть труда (прежде всего книги LI–LVI, посвященные первому принцепсу), в наибольшей степени несет печать личности автора³. Вероятно, будучи свидетелем гражданских войн конца II в. н.э. (и последующих переворотов), Дион мог проводить параллели с той эпохой, тем более что такие аналогии

1984. 4. S. 123–138; *Leunissen P.M.M.* Konsuln und Konsulare in der Zeit von Commodus bis Severus Alexander (180–235 n. Chr.). Prosopographische Untersuchungen zur senatorischen Elite im römischen Kaiserreich. Amsterdam, 1989. S. 163. Anm. 147; *Martinelli G.* L'ultimo secolo di studi su Cassio Dione. Genova, 1999. P. 13–17. Принимая во внимание карьеру отца Диона, Кассия Апрониана, который был сенатором, достиг консулата и управлял провинциями Ликия–Памфилия, Киликия и Далмация, а также учитывая то обстоятельство, что его семья могла находиться вместе с ним в Риме, М. Хозе допускает, что будущий историк родился не в Вифинии, а в столице империи (*Hose M.* Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart, 1994. S. 359–360).

² Об этом свидетельствует среднестатистическое количество лет, которые охватывает одна книга: 13,3 для книг III–XXXV (509–70 гг. до н.э.); 16,4 для книг LIII–LXXX (28 г. до н.э. – 229 г. н.э.), но только 3,3 для книг XXXVI–LII (69–29 гг. до н.э.). См. *Rich J.W.* Cassius Dio. The Augustan Settlement (Roman history 53–55. 9). Warminster, 1990. P. 13. На сознательную концентрацию внимания на этом периоде указывает и тот факт, что книги XXXVII–LVI, освещающие время с 65 г. до н.э. по 14 г. н.э., составляют 1/4 всего труда, тогда как сам этот период – менее 1/10 излагаемой истории (*Kemezis A.M.* The Roman Past in the Age of the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. PhD Diss. University of Michigan, 2006. P. 104).

³ *Reinhold M.* From Republic to Principate. A Historical Commentary on Cassius Dio Roman history Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, 1988. P. 9. Cp. *Millar. A Study...* P. 83.

присутствовали в политической пропаганде самого Септимия Севера, который стремился представить себя вторым Августом⁴.

Таким образом, Дион – единственный из известных нам⁵ римских историков после Ливия, взявшийся за столь масштабный проект, как подробное изложение в анналистическом жанре всей истории Рима от его основания и до времени самого автора⁶. Ничего подобного не появилось на латинском или на греческом языках ни в предшествующее столетие, казалось бы, несравненно более благоприятное для неспешного вдумчивого занятия историописанием, чем бурная эпоха Северов, ни тем более в последующем. Но сам разительный контраст двух эпох – «золотого» времени Антонинов и его превращения после смерти Марка Аврелия в «царство железа и ржавчины» (Dio. LXXI. 36. 4: *ἀπὸ χρυσῆς βασιλείας ἐς σιδηρὰν καὶ κατιωμένην*), насыщенность и динамичность того исторического времени, в какое выпало Диону жить, делать карьеру и трудиться над своим сочинением, когда политический ландшафт менялся с калейдоскопической быстротой и все явственнее обнаруживались тревожные кризисные тенденции, создававшие угрозу самому существованию старой сенаторской элиты, – все это, безусловно, стимулировало интерес к истории⁷, причем к истории в ее самом непосредственном соотношении с проблематичным настоящим и смутным, непредсказуемым будущим. Прошлое было важно для Диона постольку, поскольку оно сохранялось в настоящем⁸, и его «Римская история», несомненно, должна рассматриваться как ответ на вызовы эпохи⁹.

С точки зрения своего происхождения, биографии, социального статуса и реального политического опыта Дион занимает совершенно особое место среди римских историков эпохи Империи. Достаточно сказать, что за время его жизни (163 или 164 г. – после 230 г. н.э.¹⁰) на императорском троне побывало 12 прави-

⁴ Schettino M.T. L'opposizione politica all'ascesa di Settimio Severo // L'opposizione nel mondo antico / A cura di M. Sordi. Milano, 2000. P. 270; Gorrie Ch. Julia Domna's Building Patronage, Imperial Family Roles and the Severan Revival of Moral Legislation // *Historia*. 2004. 53. 1. P. 69–70. Подробнее см. Rubin Z. Civil-War Propaganda and Historiography. Bruxelles, 1980. Passim; Slavich C. ΡΟΛΕΜΟΙ ΚΑΙ ΣΤΑΣΕΙΣ. 'Propaganda Severiana' nell'opera di Cassio Dione // *Studi classici e orientali*. 2001 (2004). 47. 5. P. 131–166.

⁵ Сочинение сенатора Азиния Квадрата, современника Диона, представлявшее собой написанную на ионийском диалекте историю Рима от основания Города до Александра Севера в 15 книгах (*Suida*. s.v. Κοδράτος; FGH. 97), не сохранилось, и, скорее всего, именно пример Диона побудил Квадрата предпринять подобный труд. См. Rich J.W. Dio on Augustus // *History as Text: the Writing of Ancient History* / Ed. A.M. Cameron. L., 1989. P. 88. Not. 4; Millar. A Study... P. 61–62.

⁶ Сам он определяет предмет своей работы очень широко, если не сказать расплывчато: описать «все, что касается римлян» – LXXIII (LXXII). 23. 3: *πάντα τὰ τοῖς Ῥωμαίοις προσήκοντα*.

⁷ В такого рода актуализации исторической памяти можно видеть определенную закономерность. Ср.: «Историческая память мобилизуется и актуализируется в сложные периоды жизни нации, общества или какой-либо социальной группы, когда перед ними встают новые трудные задачи или создается реальная угроза самому их существованию» (*Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 39).

⁸ Gabba E. The Historians and Augustus // *Caesar Augustus: Seven Aspects* / Ed. F. Millar, E. Segal. Oxf., 1984. P. 70–71.

⁹ См. прежде всего: *Kemezis*. Op. cit. Passim.

¹⁰ Дата рождения Диона определяется исследователями по-разному, прежде всего в зависимости от ответа на вопрос, вошел ли он уже в самом начале 180-х годов в сенат. На этом основании многие исследователи указывали на 155 г. См. Vrind G. De Cassii Dionis vocabulis quae ad ius publicum pertinent. Amsterdam, 1923. P. 164–165 (с обзором предшествующих мнений). Нам представляется предпочтительной точка зрения Миллара, высказывающегося за 163 или 164 г. (*Millar*. A Study... P. 13).

телей, из которых только двое умерли своей смертью¹¹. Сам историк, в юности заставший правление Марка Аврелия и начавший свой сенаторский *cursus honorum* при Коммоде, выдвинулся и достиг пика своей карьеры уже при новой династии¹². Ясно, что работал он в совершенно иных исторических условиях, нежели Ливий или Тацит, для которых, в период их работы над историческими сочинениями, времена смут, тирании или анархии были позади и наступила та *vera tempora felicitas, ubi quae velis sentire et quae sentias dicere licet* («редкостное счастливое время, когда можно думать, что хочешь, и говорить, что думаешь». – Тас. Hist. I. 1), когда можно было сосредоточиться на самом прошлом, а не на поисках выхода из нового кризиса. Важно и то, что Дион выражает в своей личности, в своих политических идеях и в своем творчестве тот культурно-исторический синтез эллинского и римского начал, который был осуществлен в эпоху принципата.

Весьма примечательны также те конкретные персональные обстоятельства и мотивы, в силу которых Дион обратился к написанию истории, и сам процесс его работы над своим сочинением¹³, о котором он неоднократно упо-

¹¹ Это следующие императоры и узурпаторы: Марк Аврелий, Коммод, Пертинакс, Дидий Юлиан, Клодий Альбин, Песценний Нигер, Септимий Север, его сыновья Каракалла и Гета, Опелий Макрин, Элагабал и Александр Север. Своей смертью скончались только Марк Аврелий и Септимий Север.

¹² Основные этапы карьеры и жизненного пути Диона, как они известны преимущественно из его собственных ремарок, разбросанных в тексте «Истории», суть следующие. Около 180 г. он появляется в Риме (LXXI. 4. 2); в 182/183 г. в качестве *comes* сопровождает своего отца, получившего назначение в провинцию Киликия (LXXII. 7. 2); потом, возможно, был военным трибуном, квестором (вероятно, в одной из восточных провинций); около 191 г. становится плебейским трибуном; от Пертинакса он успел получить назначение в преторы на 194 или 195 г. (LXXIII. 12. 2), после чего управлял какой-то провинцией в качестве легата пропреторского ранга (и, возможно, именно ему был адресован один из рескриптов Септимия Севера: D. 50.12.7. Paul.); в 205 или 206 г. был консулом-суффектом; входил в состав *amici* императоров Септимия Севера и Каракаллы; зимой 214/215 г. находился при дворе Каракаллы в Никомедии (LXXVII. 17. 18); в 218/219 г. император Макрин назначил его в Смирну и Пергам на должность *curator ad corrigendum statum civitatum* (LXXIX. 7. 4); в 220/221 или в 223 г. был проконсулом провинции Африка (LXXX. 1. 2); затем управлял в качестве *legatus Augusti* Далмацией, а примерно между 226 и 228 г. – Верхней Паннонией, важной в военном отношении провинцией, в которой располагались два легиона (такое назначение для сенаторов греческого происхождения было очень редким исключением; см. *Millar. A Study...* P. 26; *Rich. Cassius Dio...* P. 3); и, наконец, в 229 г. карьера Диона была увенчана вторичным консулатом: он стал *consul ordinarius iterum* вместе с императором Александром Севером (что свидетельствует о его видном положении при дворе юного принцепса), но с разрешения последнего отправлял должность не в Риме, а где-то вне него, скорее всего в Кампании, на своей вилле в окрестностях Капуи, поскольку преторианцы были враждебно настроены к Диону из-за проявленной им дисциплинарной строгости в бытность его наместником Паннонии (LXXX. 4. 2). После этого историк под предлогом болезни ног удалился в Никею, чтобы окончить свои дни на родине (LXXX. 5. 2–3). Жизнь, что и говорить, насыщенная, особенно если сравнивать Диона с его младшим современником Геродианом или, например, Аппианом, не говоря уже о Ливии. О биографии Диона см. *Millar. A Study...* P. 11–27; *Harrington J. Cassius Dio: A Re-examination. PhD Diss. University of Kentucky Lexington, 1970. P. 1–15; Martinelli. L'ultimo secolo...* P. 16–20. Из старых работ см. *Schwartz Ed. Cassius Dio // RE. Bd III. Hlbd 6 (1899). Sp. 1684 ff. (= idem. Griechische Geschichtschreiber. Lpz, 1957. S. 394 ff.)*.

¹³ О последовательности и хронологии работы Диона над «Римской историей» см. *Schwartz. Cassius Dio. Sp. 1686 ff.; Millar. A Study...* P. 28–39; *Gabba E. Sulla «Storia romana» di Cassio Dione // RSI. 1955. 67. P. 289–333; Barnes T.D. The Composition of Cassius Dio's Roman History // Phoenix. 1984. 38. 3. P. 240–255; Letta C. La composizione dell'opera di Cassio Dione: cronologia e sfondo storico-politico // Troiani L., Noè E., Letta C. Ricerche di storiografia greca di eta romana. Pisa, 1979. P. 118–189; Kemezis. Op. cit. P. 236–239 (Appendix I. The Date and Composition of Dio's History).*

минает¹⁴. Начал он с того, что сочинил небольшую, явно официозную книжку о снах и знамениях, предвещавших императорскую власть Септимию Северу, которую преподнес ему летом 193 г., когда тот впервые появился в Риме в качестве императора. После того как он получил благожелательный отзыв последнего, явившаяся ему во сне богиня (вероятно, Тюхэ) побудила его продолжить занятия историей, и он составил другое сочинение, посвященное событиям после убийства Коммода и гражданской войне 193–197 годов, которое также встретило благоприятные отзывы императора и читателей, после чего у автора возник замысел изложить всю историю римлян в одном исследовании (ἐν μιᾷ πράγματι), чтобы, как он пишет, «...описать и сохранить все, что было в прошлом от основания Рима и до того момента, до какого будет угодно Судьбе (Τύχη)». Это божество и далее поощряло Диона к ученым занятиям, являясь ему в сновидениях¹⁵. В течение 10 лет он собирал материал, прочитав, по собственному признанию, практически все, что было до него написано о римской истории (Fr. I. 1. 2), и в течение еще 12 лет писал свой труд (LXXII. 23. 1–5). Первые литературные опыты были включены в состав общей истории (ср. LXXIV. 3 рассказ о борьбе за власть после смерти Коммода¹⁶). Не исключено, что Дион воодушевлялся примером Тита Ливия, ставшего в римской историографии выразителем того реставраторски-обновленческого курса, который провозглашался Октавианом Августом¹⁷. Кроме того, Суда приписывает Диону еще ряд сочинений, из которых два («История персов» и «История гетов») связываются с его именем явно ошибочно (ср. Iord. Get. V. 40; IX. 58), а два (жизнеописание историка Арриана, земляка Диона, и история Траяна) вполне могли принадлежать его перу¹⁸.

Вопрос о конкретной хронологической привязке тех 22 лет, которые Дион посвятил работе над «Римской историей», имеет принципиальное значение для интерпретации его политических идей в контексте специфических исторических условий современной автору эпохи и остается предметом острых дискуссий. Не останавливаясь на их деталях, укажем только, что в настоящее время существуют три основные версии датировки, которые условно можно назвать «ранней», «поздней» и «средней» («промежуточной»)¹⁹.

По большому счету вопрос о точных хронологических рамках обозначенного автором 22-летнего периода работы над «Римской историей» остается открытым²⁰. Нам представляются более убедительными аргументы сторонников

¹⁴ Вообще трудно найти другого римского историка, который столь подробно сообщает о себе и ходе своей работы над своим сочинением (*Millar. A Study...* P. 7); и этот весьма весомый автобиографический элемент не случаен, но имеет целью показать, что именно Дион является тем человеком, который может и должен написать масштабную историю Рима (см. *Kemezis. Op. cit.* P. 60 ff.).

¹⁵ См. *Gascò F. Cassio Dion y los sueños* // *Habis*. 1985. 16. P. 301–305.

¹⁶ О втором сочинении подробно см. *Slavich. Op. cit.*; *Schmidt M.G. Die «zeitgeschichtlichen» Büchern im Werk des Cassius Dio von Commodus zu Severus Alexander* // *ANRW*. II. 34. 3 (1997). S. 2598 ff.

¹⁷ Ср. *Wirth G. Einleitung* // *Cassius Dio. Römische Geschichte* / Übers. von O. Veh, eingel. von G. Wirth. Bd I. Zürich, 1985. S. 11.

¹⁸ *Martinelli. L'ultimo secolo...* P. 20.

¹⁹ Подробнее см. *Марков К.В.* К вопросу о хронологии работы Диона Кассия над «Римской историей» // *ВДИ*. 2008. № 2. С. 142–154.

²⁰ *Kuhn-Chen B. Geschichtskonzeptionen griechischer Historiker im 2. und 3. Jahrhundert n. Chr. Untersuchungen zu den Werken von Appian, Cassius Dio und Herodian*. Frankfurt am Main–Berlin u.a., 2002. S. 132.

«поздней датировки»²¹, согласно которой большая часть «Римской истории» была написана при Александре Севере. Так или иначе в 220-е годы Дион активно работал над своим сочинением, по крайней мере над той его частью, которая относится к переходу от Республики к Принципату, и достоверно известно, что Дион, как он сам сообщает (LXXX. 5. 3), продолжал работу и после 229 г., находясь в Вифинии. Именно здесь была создана LXXX книга, а возможно, и ряд других книг, посвященных событиям современной Диону истории²². Таким образом, «Римская история» Диона Кассия в своем окончательном варианте появилась в годы правления Александра и именно в это время происходит концептуальное оформление этого сочинения.

В исследованиях последних лет собственно исторической концепции Диона Кассия уделяется не меньшее внимание, чем его политической программе. Ибо он – не только сенатор, находящийся в самом центре римской политической жизни, но и писатель, объединяющий традиции как классической греческой историографии в духе Фукидида, так и римской анналистики. Вместе с тем он – просвещенный греческий автор эпохи второй софистики и «греческого возрождения», писавший на аттическом диалекте и ориентировавшийся в качестве своей читательской аудитории и на римских сенаторов, и на просвещенную элиту греческого Востока²³. Оценивая Диона как историка, исследователи в первую очередь обращают внимание на его концепцию развития исторического процесса и представление о движущих силах истории. Некоторые из них полагают, что Дион следует теории упадка нравов²⁴, и даже приписывают ему телеологическое понимание истории²⁵. Большинство же исследователей считает, что Дион следует иной, так называемой «антропологической» концепции Фукидида²⁶.

²¹ Марков. К вопросу о хронологии работы...

²² Schmidt M.G. Politische und persönliche Motivation in Dios Zeitgeschichte // *Geschichtsschreibung und politischer Wandel im 3. Jh. n. Chr. Kolloquium zu Ehren von Karl-Ernst Petzold* (Juni 1998) anlässlich seines 80. Geburtstags. Stuttgart, 1999. S. 93–117.

²³ Millar. A Study... P. 8 ff.; Aalders C.D.J. Cassius Dio and the Greek World // *Mnemosyne*. 1986. 39. 3–4. P. 282–304; Swan P.M. How Cassius Dio composed his Augustan Books // *ANRW*. II. 34. 3 (1997). P. 2525; *idem*. Cassius Dio on Augustus: A Poverty of Annalistic Sources? // *Phoenix*. 1987. 41. P. 272–291; Ameling. Cassius Dio... S. 126–128; *idem*. Griechische Intellectuelle und das *Imperium Romanum*: das Beispiel Cassius Dio // *ANRW*. II. 34. 3 (1997). S. 2472–2496; Swain S. *Hellenism and Empire: Language, Classicism and Power in the Greek World, AD 50–250*. Oxf., 1998. P. 401 ff. Вопрос о культурной идентичности Диона и ее влиянии на его политические предпочтения остается спорным. В настоящее время данный вопрос не ставится так, как это было раньше, в виде дилеммы, был ли Дион греком или римлянином (Palm J. *Rom, Römertum und Imperium in der griechischen Literatur der Kaiserzeit*. Lund, 1959. S. 81–82; Gabba E. *Storici Greci dell'impero romano da Augusto ai Severi* // *RSI*. 1959. 71. P. 378). Признание «римскости» и наличия сугубо римских мотивов в идеях Диона не исключает его ориентации на эллинские традиции. О дискуссии по данному вопросу см. Марков К.В. Политические взгляды и культурная идентичность Диона Кассия в контексте «Греческого возрождения» // *Вестник ННГУ. Сер. история*. 2006. Вып. 1(5). С. 13–22. Ср. также Kemezis. *Op. cit.* P. 95 ff., 100 ff.

²⁴ Fechner D. Untersuchungen zu Cassius Dios Sicht der Römischen Republik. Hildesheim, 1986. S. 248; Bering-Staschewski R. *Römische Zeitgeschichte bei Cassius Dio*. Bochum, 1981. S. 114–125.

²⁵ Swan P.M. *The Augustan Succession: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History. Books 55–56* (9 B.C. – A.D. 14). Oxf., 2004. P. 8–13; Bering-Staschewski. *Op. cit.* S. 126–129.

²⁶ Hose. *Op. cit.* S. 433; Reinhold. *Op. cit.* P. 9–11, 215 ff.; Lintott A.W. Cassius Dio and the History of the Late Roman Republic // *ANRW*. II. 34. 3 (1997). P. 2499–2503. В то же время Дион, как высокообразованный представитель «греческого возрождения», усердно стремится подражать стилю Фукидида, заимствует у него лексические средства и выражения. Об этой стороне его труда см., например: Litsch E. *De Cassio Dione imitatore Thucydidis*. Diss. Freyburg, 1893; Harrington. *Op. cit.* P. 57 ff.; Swain. *Hellenism and Empire*... P. 407 f.

В представлении Диона Кассия основной движущей силой в истории является человеческая природа (φύσις) как некая константа²⁷ и прежде всего такие человеческие качества, как «честолюбие» и «своекорыстие» (φιλοτιμία и πλεονεξία). Дион демонстрирует их влияние на исторический процесс, объясняя таким образом ход истории. Разделяет он и характерное для прагматической историографии представление об историке как политическом наставнике. В сочетании с антропологической константой сквозь труд Диона проходят также указания на вмешательство сверхъестественных сил. Историк довольно тщательно перечисляет вещие сны, чудеса и знамения²⁸. Но в то, что жизнь человека неизменно предопределена, он, по-видимому, не верил. Скорее он полагал, что у людей есть возможность избежать приближающейся опасности, если они примут во внимание предзнаменования²⁹. Такой подход к определению движущих сил в истории стал для Диона основой для использования исторического сочинения в политико-дидактических целях.

Дион в основной части своего труда следует анналистическому методу, однако нередко нарушает хронологические границы, когда это служит определенной цели, в частности проведению аналогий между событиями прошлого и его собственным временем, группирует вместе события разных лет для того, чтобы заострить внимание читателей на каком-либо вопросе³⁰. Он осуществлял целенаправленный отбор материала, что было связано с определенными методологическими принципами автора³¹, и, как правило, не следовал какому-то одному источнику, но использовал, насколько это было возможно³², сочинения разных авторов и другие свидетельства³³. Благодаря такому методу Дион был более

²⁷ Reinhold. Op. cit. P. 9–11, 215 ff.; Hose. Op. cit. S. 405; Ameling. Griechische Intellektuelle... S. 2482–2484; Kuhn-Chen. Op. cit. S. 143 ff.

²⁸ См. Puiggali J. Les démons dans l'Histoire romaine de Dion Cassius // Latomus. 1984. 43. P. 876–883.

²⁹ Kuhn-Chen. Op. cit. S. 144; Danvoye S. La divination intuitive et inductive dans l'Histoire romaine de Dion Cassius // Folia Electronica Classica. 2003. 5.

³⁰ Lintott. Op. cit. P. 2508–2512.

³¹ Reinhold. Op. cit. P. 9–10. Во вступлении Дион пишет, что не стал включать в свой труд весь материал, который он прочел, но отобрал только то, что считал пригодным (fr. I. 1. 2).

³² Kuhn-Chen. Op. cit. S. 137.

³³ К источникам Диона относятся: сочинения более ранних авторов, возможно, некоторые надписи и, маловероятно, официальные документы, а также личные наблюдения и слухи. В общем виде об источниках Диона и его методах работы с ними см. Stuart D.R. The Attitude of Cassius Dio toward Epigraphical Sources // University of Michigan Studies. I. 1904. P. 101–147; Schwarz. Cassius Dio. Sp. 1692–1715; Millar. A Study... P. 34 ff., 55, 61, 67, 91–92; Harrington. Op. cit. P. 16–44; Wirth. Op. cit. S. 14–18; Lintott. Op. cit. P. 2498 ff., 2519 ff.; Martinelli. L'ultimo secolo... P. 25–30; Kemezis. Op. cit. P. 64–76. Число специальных исследований, посвященных Quellenkritik «Римской истории» в целом и отдельных ее частей, очень велико. См., например: Andersen H.A. Cassius Dio und die Begründung des Prinzips. B., 1938; Townend G.B. Traces in Dio Cassius of Cluvius, Aufidius and Pliny // Hermes. 1961. 89. P. 227–241; Fadinger V. Die Begründung des Prinzips. Quellenkritische Untersuchungen zu Cassius Dio und die Parallelüberlieferung. Diss. B., 1969; Libourel J.M. An unusual annalistic Source used by Dio Cassius // AJPh. 1974. 95. P. 383–393; Manuwald B. Cassius Dio und Augustus: philologische Untersuchungen zu den Büchern 45–56 des dionischen Geschichtswerkes. Wiesbaden, 1979; Solimeno Cipriano A. Tacito fonte di Cassio Dione? // Rendiconti della Accademia di Archeologia, Lettere e Belle Arti. 1979 (1981). 54. P. 3–18; Mehl A. Bemerkungen zu Dios und Tacitus Arbeitweise und zur Quellenlage im «Totengericht» über Augustus // Gymnasium. 1981. 88. S. 54–64; Swan. Cassius Dio... P. 272–291; Dobetsch G. Zu Caesars Sitzbleiben vor dem Senat und zu der Quelle des Cassius Dio // Tyche. 1988. 3. S. 39–102; McDougall I. Dio and his sources for Caesar's campaigns in Gaul // Latomus. 1991. 50. P. 616–638; Gowing A.M. The triumphal narrative of Appian and Cassius Dio. Ann Arbor, 1992; Moscovitch M.J. Cassius Dio's Palace Sources for the Reign of Septimius Severus // Historia. 2004. 53. 3. P. 356–368.

свободен в обращении с материалом, чем те историки, которые следовали какому-то одному источнику³⁴. Можно сказать, что для Диона (во всяком случае в центральной части его труда, посвященной переходу от республики к принципату) характерен дедуктивный способ объяснения прошлого. Историк «прежде всего формирует объяснительную модель для определенного исторического процесса... и затем описывает события в свете данной модели и с целью ее проверки»³⁵. Такой подход имеет дидактическую направленность³⁶. По словам Рейнолда, целью Диона «была не историческая правда, а политические и моральные наставления», и он, используя арсенал предшествовавшей историографической традиции фукидидовского направления, стремился сорвать маски с лица власти, чтобы извлечь уроки для своего времени и для будущего³⁷. Вся история Рима, но в первую очередь конец Республики и эпоха Августа, излагается Дионом с оглядкой на проблемы северо-восточного времени³⁸, и именно под таким углом зрения ее надлежит читать³⁹.

Анналистический подход Дион сочетает с биографическим, в первую очередь в книгах, посвященных императорскому времени⁴⁰. Биографические вставки нередко появляются на страницах «Римской истории», когда автор сообщает о смерти кого-либо из известных политических деятелей или полководцев⁴¹. В книгах, посвященных периоду Империи, в центре внимания историка находится император. Как заметил Ф. Миллар, отличительной чертой его труда является подбор примеров, иллюстрирующих характер правителя⁴². При этом Дион стремится не столько передать факты, сколько создать определенный образ правителя⁴³. С одной стороны, такой подход определяется традициями римской историографии, с другой – политико-дидактическими целями работы. Отталкиваясь от традиционного для античной политической мысли противопоставления идеального правителя тирану, Дион изображает одних императоров образцами добродетели, а других средоточием всевозможных пороков, особенно в тех книгах, которые посвящены современной Диону эпохе, где политическая ангажированность автора проявляется с особой силой⁴⁴.

Дион как историк был одновременно и традиционалистом, и новатором. Он традиционен в общей форме своего труда, в обращении с источниками (в этом отношении он следует отнюдь не лучшим образцам античной историографии); он типичен и предсказуем в характерных для его сословия предрассудках и предубеждениях; неоригинален во многих своих суждениях. Недостатки его сочинения в общем-то лежат на поверхности⁴⁵. Это и риторические изыски, и «книжность» его знаний, и отсутствие практического военного опыта (что сказывается на описании войн и отдельных сражений⁴⁶), иногда чрезмерное при-

³⁴ Rich. Cassius Dio... P. 6.

³⁵ Hose. Op. cit. S. 424.

³⁶ Ibid. S. 424 f.; Kuhn-Chen. Op. cit. S. 143.

³⁷ Reinhold. Op. cit. P. 10, 14. Cp. Manuwald. Op. cit. S. 12 ff., 273–284.

³⁸ Kemezis. Op. cit. P. 105, 116–117.

³⁹ Reinhold. Op. cit. P. 13.

⁴⁰ Questa C. Tecnica biografica e tecnica annalistica nei libri 53–63 di Cassio Dione // Studi Urbinati. 1957. 31. 1–2. P. 37–53.

⁴¹ Millar. A Study... P. 46–47; Ameling. Griechische Intellectuelle... S. 2480.

⁴² Millar. A Study... P. 125.

⁴³ Harrington. Op. cit. P. 217.

⁴⁴ Ibid. P. 217; Kuhn-Chen. Op. cit. S. 35; Bering-Staschewski. Op. cit. S. 114–125; Fechner. Op. cit. S. 248.

⁴⁵ Reinhold. Op. cit. P. 5; Cary. Op. cit. P. XV–XVI.

⁴⁶ Townend G.B. Some rhetorical battle-pictures in Dio // Hermes. 1964. 92. P. 467–481.

страстие к драматическим эффектам⁴⁷, пренебрежение точными цифровыми данными, хронологические неувязки⁴⁸, фактические неточности и пристрастное отношение к отдельным персонажам прошлого⁴⁹, анахронизмы, плохое знание права⁵⁰ и т.д.

Вместе с тем, как справедливо отмечается в новейших исследованиях, Дион создает новый вид историописания, главной отличительной особенностью которого как раз и является критическое рассмотрение современной политики, а также расширение арсенала историографической техники, включая прямое обращение к политической теории. «История» Диона действительно менее всего представляет собой академично-бесстрастный, объективный рассказ о прошлом и тем более о современных событиях. В ряду специфических оригинальных черт «Истории» Диона можно выделить ее своеобразную «персоналистичность», которая выражается в последовательно проводимой авторской позиции. Для Диона его исторический труд – это письменное выражение собственного жизненного опыта⁵¹. При этом важно, что Дион представляет себя не просто как человека, в силу своего политического положения и образования в полной мере способного написать историю, отвечающую потребностям его времени, но как настоящего «медиатора» между великим прошлым Рима и актуальной современностью, посредника, без которого прошлое представляет собой только разрозненные факты и события, недоступные правильному пониманию. Он последовательно отождествляет себя с той традицией, воплощением и хранителем которой был римский сенат, но вместе с тем его видение прошлого выходит за рамки реакционной ностальгии⁵².

В соответствии с традициями античного историописания свои политические идеи Дион высказывает не только в комментариях и прямых оценках, связанных с деятельностью того или иного персонажа, но и в речах исторических лиц. Более или менее пространные, они занимают весьма значительную часть «Римской истории», и многие из них смоделированы по образцу речей в труде Фукидида⁵³. Привнесение в «Римскую историю» значительного риторического элемента объясняется также литературными веяниями времени Диона, в частности влиянием второй софистики⁵⁴. Однако функции речей, включенных в контекст исторического труда, отнюдь не исчерпывались его украшением. С их помощью автор имел возможность подчеркнуть значимость определенных исторических событий⁵⁵, познакомить своих читателей с взглядами их участников на те или иные вопросы политической жизни. Нередко историк использовал речи исторических персонажей для изложения своих собственных взглядов, преследуя опре-

⁴⁷ *Piatkowski A.* L'influence de l'historiographie tragique sur la narration de Dio Cassius // Actes de la XIIe Conférence d'Études classiques Eirene. Bucharest–Amsterdam, 1975. P. 263–270.

⁴⁸ См., например: *Barrett A.A.* Chronological errors in Dio's account of the Claudian invasion // *Britannia*. 1980. 11. P. 31–35.

⁴⁹ *Lintott.* Op. cit. P. 2508–2518.

⁵⁰ *Rogers R.S.* Ignorance of the Law in Tacitus and Dio: Two Instances from the History of Tiberius // *TAPhA*. 1933. 64. P. 18–27.

⁵¹ *Kemezis.* Op. cit. P. 93. Cp. *Schmidt.* Die «zeitgeschichtlichen» Büchern... S. 2597.

⁵² *Kemezis.* Op. cit. P. 8, 59–60, 93.

⁵³ *Swan.* The Augustan Succession... P. 26. Подробнее см. *Kyhntzsch E.* De contionibus, quas Cassius Dio historiae suae intexit, cum Thucydideis comparatis. Diss. Lipsiae, 1894.

⁵⁴ *Swain.* Hellenism and Empire... P. 407; *Baldwin B.* Historiography in the second century. Precursors of Dio Cassius // *Klio*. 1986. 68. 2. P. 479.

⁵⁵ *Swan.* The Augustan Succession... P. 28.

деленные политические или политико-дидактические цели⁵⁶. Для Диона Кассия таковыми были выявление закономерности концентрации власти в одних руках и демонстрация принципов, на которых должны строиться отношения императора и сенаторского сословия в целях обеспечения внутренней стабильности в государстве⁵⁷.

Среди речей, включенных в состав «Римской истории» и имеющих выраженный «программный» характер⁵⁸, особое внимание исследователей привлекают две, занимающие почти всю ЛП книгу и посвященные обсуждению вопроса о выборе формы правления, который встал перед Октавианом после победы над Антонием. Они вкладываются в уста двух ближайших соратников Октавиана – Марка Випсания Агриппы и Гая Цильния Мецената. В целом можно согласиться с оценкой (хотя и не лишенной преувеличения), какую в свое время дал этим речам Ч. Старр: «Речи Агриппы и Мецената... проливают на природу империи больше света, чем любой другой отдельно взятый источник»⁵⁹.

Содержание этих знаменитых дебатов, отнесенных историком к последней трети 29 г. до н.э., вкратце следующее. Задумав сложить власть, Октавиан обратился за советом к Агриппе и Меценату (1.1). Первым берет слово Агриппа, который останавливается на преимуществах «демократии» (республиканской формы правления) и критикует монархию⁶⁰, по сути дела отождествляя ее с тиранией (2–13). Меценат же, напротив, стремится убедить Цезаря принять единоличную власть, аргументируя свою позицию критикой республиканского строя (14–18) и выступая с комплексом практических предложений, призванных обес-

⁵⁶ *Hose*. Op. cit. S. 44–45.

⁵⁷ *Ibid*. S. 431–432; *Kuhn-Chen*. Op. cit. S. 35.

⁵⁸ К ним можно отнести речи, принадлежащие Фабию Рулу Старшему (fr. 36. 1–5) и Гереннию Понтию (fr. 36. 11–14); так называемые «фрагменты о тирании» (fr. 40. 14–16); речь Филиска, обращенную к Цицерону во время его изгнания (XXXVIII. 18–19); речи Цезаря к мятежным легионам при Везонтионе (XXXVIII. 36–46) и Плаценции (XLI. 27–35); речь Цезаря в сенате в 46 г. до н.э. (XLIII. 15. 2–18. 5); речь Цицерона после убийства Цезаря по поводу амнистии (XLIV. 23–33); речь Октавиана, произнесенную в сенате 13 января 27 г. до н.э. в связи с его намерением сложить с себя властные полномочия и восстановить республику (LIII. 3–10); диалог Ливии и Августа (LV. 14–21) по поводу заговора Гнея Корнелия Цинны; речь Тиберия на похоронах Августа (LVI. 36–41) и др. Специальный анализ 13 речей из «Римской истории» Диона см. *Stekelenburg A.V. van*. De redevoeringen bij Cassius Dio. Delft, 1971. См. также *Millar F.* Some Speeches in Cassius Dio // *MH*. 1961. 18. P. 11–22; *Giua M.A.* Clemenza del sovrano e monarchia illuminata in Cassio Dione 55. 14–22 // *Athenaeum*. 1981. 59. P. 317–337; *idem*. Augusto nel libro 56 della Storia Romana di Cassio Dione // *Athenaeum*. 1983. 61. P. 452 sgg.; *Martinelli G.* Motivi originali nei «Discorsi» dell'opera di Cassio Dione // *Atti della Academia Ligure di Scienze e Lettere*. 1989. 46. P. 412–425; *Fechner*. Op. cit. S. 37–88.

⁵⁹ *Starr Ch.G.* The Perfect Democracy of the Roman Empire // *AHR*. 1952. 58. P. 12.

⁶⁰ Агриппа, homo novus, выдвинувшийся благодаря своим военным талантам и личной преданности Октавиану, один из активнейших создателей системы принципата (ср. отзыв о нем самого Диона в LIV. 29. 3), казалось бы, мало подходит на роль защитника «демократии». Однако можно согласиться с мнением П. Дакураса, что если бы он, а не Меценат выступал апологетом единовластия, это могло бы выглядеть как своекорыстное преследование собственных интересов (*Dakouras P.* *Maecenas aequus*. A Study in the Creation and Development of an Image. PhD Diss. N.Y., 2006. P. 255). Кроме того, Дион в своих источниках мог прочитать не только о том, что Октавиан думал о восстановлении республики после победы над Антонием (*Suet.* Aug. 28. 1; *Millar*. A Study... P. 105), но и о том, что именно Агриппа побуждал его к этому. Поэтому выбор Агриппы в качестве апологета республиканского правления едва ли можно считать простой «художественной» вольностью Диона. См. *Rich*. Dio on Augustus... P. 98. Not. 70–71.

печить стабильность и эффективность единоличной власти (19–33), и рекомендациями, касающимися образа действий и поведения правителя (34–40). По итогам дискуссии Октавиан отдает предпочтение точке зрения Мецената, но не берется сразу осуществить все предложенные им преобразования. В заключительных главах Дион сообщает о том, что Октавиан принял титул *imperator* и, получив вместе с Агриппой цензорские полномочия, провел ряд соответствующих мероприятий и предпринял некоторые другие шаги (41–43).

Речи Агриппы и Мецената, таким образом, относятся к совещательному роду красноречия, к жанру *suasoriae*, и исследователи давно уже обратили внимание на сюжетное и композиционное сходство спора Агриппы и Мецената, дискуссии трех философов в «Жизнеописании Аполлония Тианского» Флавия Филострата (V. 33–36) и дебатов о наилучшей форме правления в «Истории» Геродота (III. 80–82). Это сходство позволяет утверждать, что Дион опирался на устойчивую традицию изображения подобных сцен и использовал общепринятую литературную форму⁶¹. Важно, что и в других местах своего труда он вставлял такого рода дебаты, причем делал это именно в тех случаях, когда речь шла о важных переменах в государстве, и представлял точки зрения в виде *diōsoi λόγοι* на манер софистов и Фукидида⁶².

Дебаты Агриппы и Мецената представляют, однако, не только наибольший интерес среди вставных речей «Римской истории», но и наибольшую трудность для интерпретации с точки зрения как их общего замысла, политико-идеологической направленности, так и отдельных пунктов. Насколько исторична такого рода дискуссия, какова ее композиционная роль в общей структуре «Римской истории», кто из императоров северовской династии мог быть ее адресатом, как соотносятся в содержании этих речей общие места, риторические клише, идеологические штампы и собственные политические взгляды Диона, насколько реалистичны или утопичны сформулированные им предложения? Эти и другие вопросы, возникающие при изучении этих текстов, уже более 130 лет⁶³ активно обсуждаются в научной литературе, но сколько-нибудь однозначных и общепризнанных ответов на большинство из них так и не предложено.

По-прежнему спорным остается вопрос о времени написания ЛII книги и соответственно о возможном адресате того политического «послания», которое заключено в речах Агриппы и Мецената. По данному вопросу, как и в случае с общей датировкой «Римской истории», предлагается два основных варианта ответа. После работы П. Мейера⁶⁴, который предпринял первое основательное исследование речи Мецената, преобладает точка зрения (имеющая, впрочем, различные нюансы), согласно которой ЛII книга (и, в частности, «программная» речь Мецената) была написана при Александре Севере и адресовывалась именно этому императору, либо в начале его правления, либо, скорее, ближе к кон-

⁶¹ *Escribano M.V.* Estrategias retóricas y pensamiento político en la Historia Romana de Casio Dión // *Antiquité classique*. 1999. 68. P. 176; *Reinhold*. Op. cit. P. 167; *Stekelenburg*. Op. cit. P. 108; *Gabba*. Sulla «Storia romana» di Cassio Dione. P. 312; *Hammond M.* The Significance of the Speech of Maecenas in Dio Cassius // *TAPhA*. 1932. 63. P. 89.

⁶² *Reinhold*. Op. cit. P. 166–167. Примеры подобных речей у Диона: fr. 12 (об изгнании царей); XLIII. 15. 2–18. 5; XLIV. 2. 1–2.

⁶³ Первая работа, специально посвященная одной из речей этой дискуссии, вышла в 1873 г.: *Rothkegel F.* Einige Betrachtungen über die Rede des Mäcenat bei Cassius Dio, LII. 14–40 // *Programme des Gymnasium z. Gross-Strehlitz*. 1873. 17 S. (она осталась нам недоступной).

⁶⁴ *Meyer P.* De Maecenatis oratione a Dione ficta. Diss. B., 1891.

цу, около 229 г.⁶⁵ Другие исследователи выступают за более раннюю датировку – либо концом правления Септимия Севера, либо правлением Каракаллы⁶⁶. У. Эспиноса Руис предлагает два возможных варианта: либо начало правления Септимия Севера (193–197 гг.), либо период между смертью Каракаллы и восшествием Александра Севера на престол (217–222 гг.)⁶⁷. С нашей точки зрения, предпочтительнее «поздняя» датировка концом 220-х годов. На 228–229 годы приходится пик карьеры Диона, он явно пользуется личным расположением императора, но в то же время над жизнью историка нависает серьезная угроза со стороны преторианцев – силы, чуждой консервативному сенатору и слабо контролируемой императором. Возможно, именно это противостояние и подтолкнуло автора к составлению проекта по радикальному реформированию империи. Отметим также, что у Диона была возможность представить этот проект лично императору, так как он незадолго до отъезда в Вифинию два раза встречался с Александром Севером в Риме и в Кампании (LXXX. 5. 2). Кроме того, некоторая противоречивость предлагаемой в речи Мецената программы, на наш взгляд, станет более понятной, если ее рассматривать в контексте социально-политического развития Рима в правление Александра Севера. Юный император был более благосклонен к высшему сословию, чем его предшественники. Более того, сам Дион в это время становится знаковой политической фигурой, фактически одним из столпов режима Александра Севера⁶⁸. Вероятно, он имел определенное влияние на императора и мог надеяться на хотя бы частичную реализацию своих смелых замыслов⁶⁹.

Что касается концептуальной интерпретации дискуссии между Агриппой и Меценатом, то спектр высказанных в литературе точек зрения очень широк и включает ряд весьма оригинальных толкований. Начиная с работы П. Мейера наибольшее распространение в литературе получило мнение о том, что в этой речи изложены взгляды и предложения самого Диона, которые обусловлены его озабоченностью негативными изменениями и нарастающим кризисом Римской империи⁷⁰. В противовес просенаторской политике Александра Севера Дион выступает за установление абсолютной монархии, и некоторые из его идей предвосхищают нововведения Диоклетиана⁷¹.

⁶⁵ Schwartz. Cassius Dio. Sp. 1687; Vrind. Op. cit. P. 168; Letta. La composizione dell'opera di Cassio Dione... P. 167–170, 185; Barnes. Op. cit. P. 240–255; Reinhold. Op. cit. P. 180.

⁶⁶ Gabba. Sulla «Storia romana» di Cassio Dione. P. 314–324; idem. Progetti di riforme economiche e fiscali in uno storico dell'età dei Severi // Studi in onore di A. Fanfani. Vol. I. Milano, 1962. P. 61. Миллар и ряд других авторов вслед за ним называют 214 год: Millar. A Study... P. 102–105; Stekelenburg. Op. cit. P. 111–116; Hose. Op. cit. S. 428; Bowersock G.W. Greek Intellectuals and the Imperial Cult in the Second Century A.D. // Le Culte des souverains dans l'Empire romain / Ed. W. Den Boer. Vandoeuvres-Genève, 1973. P. 202–203.

⁶⁷ Espinosa Ruiz U. Debate Agrippa-Mecenas en Dión Casio. Respuesta senatorial a la crisis del imperio romano en época severiana. Madrid, 1982. P. 487–489.

⁶⁸ Crook J. Consilium principis. Imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian. Cambr., 1955. P. 91.

⁶⁹ Марков К.В. Концепция идеальной монархии в «Римской истории» Диона Кассия: Автореф. дис... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 14.

⁷⁰ Alföldy G. The Crisis of the Third Century as Seen by Contemporaries // GRBS. 1974. 15. P. 92–93, 103 = Idem. Die Krise des Römischen Reiches: Geschichte, Geschichtsschreibung und Geschichtsbetrachtung. Ausgewählte Beiträge. Stuttgart, 1989. S. 333.

⁷¹ Meyer. Op. cit. P. 92 sqq. К точке зрения П. Мейера присоединился, в частности, Э. Шварц (Cassius Dio. Sp. 1720.). О предвосхищении в предложениях Мецената реформ Диоклетиана см. также: Crook. Op. cit. P. 126–128.

Эти выводы попытался опровергнуть М. Хэммонд, отметивший, что некоторые предложения Мецената, например, проведение *lectiones сената*, учреждение сенаторского *consilium principis*, поддержка традиционной римской религии совпадают с реальными действиями основателя принципата. В то же время он признал, что ряд деталей программы Мецената (создание должности младшего цензора, введение жалованья для всех, кто занимает государственные должности, запрещение местной чеканки монеты и т.д.) не имеют никакого отношения к Августову веку; появление этих анахронизмов Хэммонд объясняет тем, что Дион описывал не только и не столько принципат Августа, сколько систему принципата в целом, отталкиваясь в первую очередь от реалий своего времени и учитывая те изменения, которые произошли за два столетия развития императорской власти. Таким образом, по заключению Хэммонда, речь Мецената – это не политический памфлет, а обобщающая характеристика принципата, каким он представлялся историку начала III в. н.э.⁷² Точку зрения М. Хэммонда в целом поддержал Э. Габба, согласно которому Дион описывает развитие принципата в течение первых двух столетий его существования, но в речи говорится лишь о положительных сторонах системы, и, следовательно, Дион писал о том, какой он сам хотел видеть императорскую власть⁷³. Аналогичные оценки разделяют и некоторые другие исследователи⁷⁴.

В 1962 г. вышло в свет одно из наиболее обстоятельных исследований речи Мецената, принадлежащее Й. Бляйкену. По его мнению, проект идеальной монархии был написан в 229 г. и являлся сенаторской реакцией на эксцессы и негативные тенденции эпохи Северов: утрату сенатом монополии на высшие государственные посты, рост политического влияния всадников и армии, проникновение в ряды высшего сословия представителей более низких социальных слоев и т.д. Дион предлагал реформы с целью сохранить за сенаторами роль основной опоры императора в государственных делах, а также обеспечить им почетное и привилегированное положение, как во времена Антонинов. В то же время Дион выступал за централизацию власти и поэтому наделил правителя своей идеальной монархии неограниченными полномочиями⁷⁵.

Ф. Миллар, рассматривая спор Агриппы и Мецената как самостоятельный «пропагандистский памфлет», суть его сводит к идее о том, что самое большее, на что могут надеяться те, кто живет при единоличной власти, – это сохранение личной безопасности и определенной доли достоинства. «Дион, единственный из авторов императорского времени, выразил такое желание не в виде ханжеских восхвалений добродетели и сдержанности [правителя], но в форме последовательного плана, посредством которого отношения между императором и правящим классом могли бы быть поставлены на безопасное и удовлетвори-

⁷² Hammond. Op. cit. P. 88–102.

⁷³ Gabba. Sulla «Storia romana» di Cassio Dione. P. 311–325.

⁷⁴ Например, М. Шмидт считает, что речь Мецената в целом не может рассматриваться как набор политических предложений, реалистичных для времени Северов, но вместе с тем ни один пункт в ней не соответствует обстоятельствам и условиям начала 20-х годов до н.э. (Schmidt. Politische und persönliche Motivation... S. 103 ff.). См. также: Flach D. Dios Platz in der kaiserzeitlichen Geschichtsschreibung // Antike und Abendland. 1973. 18. S. 136–137, 141. Anm. 57; Rich. Cassius Dio... P. 14; Kemezis. Op. cit. P. 128.

⁷⁵ Bleicken J. Der politische Standpunkt Dios gegenüber der Monarchie // Hermes. 1962. 90. 4. S. 444–467.

тельное основание»⁷⁶. М. Хозе считает, что модель единоличной власти, представленная в речи Мецената, включает в себя традиционные для концепции «хорошего» правителя элементы (императорский совет, забота о государстве). В то же время существуют такие моменты (монарх как источник права, отсутствие сопротивления со стороны подданных), которые сближают изображенную Дионом политическую систему с тиранией⁷⁷. Ч. Летта охарактеризовал речь Мецената как размышления, относящиеся к сфере политической теории и стимулированные не только тенденциями развития императорской власти в эпоху Северов, но также политическим курсом Александра Севера. Дион положил в основу своего проекта ряд начинаний юного императора, но расширил и дополнил их с учетом интересов сенаторского сословия⁷⁸.

Интересную интерпретацию изложенной в речи Мецената политической программы предложил А.Л. Смышляев, показав, что идеальная монархия Диона представляет собой, так сказать, принципат Августа наизуворот. Если Август был формально лишь первым сенатором, осуществляющим свою власть по воле сената и народа, а фактически – полновластным монархом, то император в концепции Диона оказывается формально неограниченным монархом, а фактически лишь первым сенатором, подчиненным воле всемогущей сенатской олигархии⁷⁹.

Существует, однако, точка зрения, что в 29 г. до н.э. действительно могла состояться дискуссия о судьбах империи с участием двух ближайших друзей Октавиана, и информацию об этой дискуссии Дион мог почерпнуть в сочинении Азиния Полиона, которое не дошло до наших дней⁸⁰. Дискуссия, вероятно, выглядела реалистично, поскольку Август неоднократно заявлял о намерении снять с себя полномочия и при этом вполне мог советоваться с двумя своими ближайшими друзьями⁸¹. Тем не менее на подобных совещаниях вряд ли произносились официальные речи⁸², и еще менее вероятно, чтобы именно всадник Меценат, известный своей склонностью к досугу, действительно выступил с предложениями, которые нацелены прежде всего на укрепление властных функций сенаторского сословия⁸³. В 29 г. до н.э. никому бы не пришло в голову рекомендовать Августу пополнить сенаторское сословие провинциальной элитой, распространить права гражданства на все население империи, ввести жалование для

⁷⁶ Millar. A Study... P. 78, 83, 84, 111.

⁷⁷ Hose. Op. cit. S. 392–393, 430–431.

⁷⁸ Letta. La composizione dell'opera di Cassio Dione... P. 168–169.

⁷⁹ Смышляев А.Л. «Речь Мецената» (Dio Cass. LII, 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. № 1. С. 54–66. Также см. Smyshlyayev A.L. «The Maecenas Speech» (Dio Cass., LII): the Dating and Ideological and Political Orientation // Graecolatina Pragensia. 1991. 13. P. 137–155.

⁸⁰ Avallone R. Maecenate. Napoli, 1962. P. 18; André J.-M. Mécène: Essai de biographie spirituelle. P., 1967. P. 78–82.

⁸¹ Espinosa Ruiz U. El problema de la historicidad en le debate Agrippa-Mecenas de Dión Casio // Gerión. 1987. 5. P. 290.

⁸² Dorandi T. Der «gute König» bei Philodem und die Rede des Maecenas vor Octavian (Cassius Dio LII, 14–40) // Klio. 1985. 65. 1. S. 56–57.

⁸³ Дион, надо заметить, в разных местах своего труда настойчиво подчеркивает всаднический статус Мецената (Dakouras. Op. cit. P. 235 ff., 250 ff.). По мнению П. Дакураса, тот факт, что именно Меценат выступает с такого рода предложениями, делает его речь более объективной, не связанной с личными или сословными выгодами и выражающей мнение человека, который печется только и прежде всего об интересах государства (ibid., p. 255–256).

управленцев всех рангов, понизить статус Италии до уровня обычной провинции⁸⁴. Р. Аваллоне и Ж. Андре, авторы этой оригинальной точки зрения, не учитывают этих конкретных рекомендаций по реформированию империи, сосредоточив свое внимание на размышлениях Мецената о доблестях императора и необходимости установления монархии, которые якобы несут на себе отпечаток эпикурейской политической мысли и отражают взгляды самого Мецената. Они указывают на то, что, с точки зрения Эпикура и его последователей, монархия – это единственная допустимая форма правления. Однако в рассуждениях Мецената о преимуществах монархии можно увидеть и «платоновский колорит»⁸⁵, и связь с кинико-стоическими идеями о царской власти, например, с речами Диона Хрисостома, и топосы диатриб (такие, как сравнение государства с судном, терпящим бедствие, правителя с врачом, а жизни монарха с игрой в театре, где зрители – это весь мир)⁸⁶. Предпринимались также попытки провести параллели между речью Мецената и сочинением Филодема «De bono rege», но, как показал Т. Доранди, выявленные совпадения, такие, например, как противопоставление βασιλεία и τυραννίς, любовь подданных к «хорошему» правителю, относятся к сфере литературных клише, характерных для античных произведений на тему идеального правителя⁸⁷.

Ж.-М. Роддаз высказал мысль, что в ЛП книге нашли отражение политические взгляды самого Агриппы, приводя в качестве аргумента текст 29-й главы LIV книги, где Дион характеризует Агриппу термином δημοτικώτατος, т.е. пишет о нем как о защитнике интересов народа (LIV. 29. 3)⁸⁸. На самом деле, словом δημοτικός Дион переводит латинское civilis⁸⁹. Но еще задолго до возникновения полемики об «историчности» речей Агриппы и Мецената Хэммонд отмечал, что Дион не мог опираться на свидетельства о действительной дискуссии Агриппы и Мецената, так как материал речей не соответствует убеждениям этих людей, стоявших у истоков нового государственного строя⁹⁰. Агриппа, возможно, был даже более близким соратником Августа, чем Меценат, и «демократия», за которую он ратует, зиждется на господстве сенаторской аристократии⁹¹.

Таким образом, речи Агриппы и Мецената являются вымыслом Диона Кассия. Уже тот факт, что Октавиан, согласно Диону, признал часть предложений Мецената несвоевременными (41.1–2), свидетельствует о том, что автор не идентифицировал проект Мецената с принципатом Августа, но преследовал другие намерения⁹². Среди предложений Мецената нет таких, которые относились бы только к принципату Августа, но есть такие, которые относятся только ко II в. или эпохе Северов. Поэтому более обоснованной представляется точка зрения тех исследователей, которые рассматривают речь Мецената как политическую программу самого Диона.

⁸⁴ *Espinosa Ruiz*. El problema de la historicidad... P. 295.

⁸⁵ *Hammond*. Op. cit. P. 90, 95, 101.

⁸⁶ *Dorandi*. Op. cit. S. 59.

⁸⁷ *Ibid*.

⁸⁸ *Roddaz J.-M.* Un thème de la «propaganda» augustéenne, l'image populaire d'Agrippa // *MEFRA*. 1980. 92. P. 950 suiv.

⁸⁹ *Reinhold*. Op. cit. P. 168; *Wallace-Hadrill A.* Civilis princeps: Between Citizen and King // *JRS*. 1982. 72. P. 44.

⁹⁰ *Hammond*. Op. cit. P. 89.

⁹¹ *Espinosa Ruiz*. El problema de la historicidad ... P. 299.

⁹² *Bleicken*. Op. cit. S. 448.

Что касается специально речи Агриппы, то наиболее распространенное среди исследователей мнение о ней было высказано Э. Габбой, согласно которому эта речь – лишь дань античным литературным канонам и не отражает взглядов самого Диона⁹³. Несколько иной подход нашел отражение в статье П. МакКечни. Речь Агриппы, не имея никакого отношения к римским реалиям, основана на топосах из древнегреческой политической литературы, что, с одной стороны, должно было подчеркнуть слабость аргументов Агриппы, а с другой – повысить значение речи Мецената в глазах читателей⁹⁴. К совершенно противоположному выводу пришел Дж.Р. Берриган: доводы Агриппы гораздо сильнее аргументации Мецената и симпатии самого Диона всецело принадлежат демократии⁹⁵. Эту точку зрения поддержал Д. Фехнер, который утверждает, что рассуждения Агриппы – это не чисто греческая теория, так как он приводит примеры из истории Рима, и та демократия, о которой он ведет речь, зиждется на богатых и знатных людях, которые соревнуются друг с другом на благо общества, что является отражением специфики римских республиканских идеалов. Что же касается Мецената, то он предлагает установить не монархию, но некий аристократический порядок, которого в Риме на самом деле никогда не существовало. Критика же Мецената направлена против радикальной демократии, т.е. демократии не в римском, а скорее в греческом ее понимании. В целом, для Диона характерен пессимистичный взгляд на монархию и его симпатии находятся скорее на стороне римской республики, нежели принципата⁹⁶.

По мнению Б. Кюн-Чен, идеал Диона – это единовластие, но с элементами демократии, привнесение которых становится возможным благодаря определенным доблестям правителя. Этот идеал у Диона олицетворяют Август, Траян, Марк Аврелий, Пертинакс⁹⁷. Схожий взгляд развивает Т. Завадски, который видит в речах Агриппы и Мецената выражение концепции некоего «демократического цезаризма»⁹⁸.

У. Эспиноса Руис показывает, что концепция идеальной монархии Диона Кассия состоит из двух частей: в речи Агриппы представлено теоретическое обоснование права сенаторов на политическое господство, а в речи Мецената – программа конкретных государственных преобразований, которые бы закрепили это господство. Это единый проект, который был разработан в период правления Элагабала группой сенаторов, находящихся в оппозиции императору и двум его ближайшим предшественникам. Оппозиционеры не ставили под сомнение власть императора. Гораздо больше их волновал другой вопрос – кому будут делегированы управленческие полномочия. В этом отношении речи носят явный антисаднический характер, поскольку в эпоху Северов именно всадники становятся «главными соперниками сенаторов». Таким образом, проект отражает борьбу сенаторов за сохранение своего статуса правящего сословия. По мнению Эспиносы Руиса, речи были написаны до утверждения на престоле Александра Севера и, возможно, именно борьба за осуществление политиче-

⁹³ Gabba. Sulla «Storia romana» di Cassio Dione. P. 310.

⁹⁴ McKechnie P. Cassius Dio's Speech of Agrippa: A Realistic Alternative to Imperial Government? // G&R. 1981. 28. 2. P. 150–155.

⁹⁵ Berrigan J.R. Dio Cassius' Defense of Democracy // Classical Bulletin. 1968. 44. P. 45.

⁹⁶ Fechner. Op. cit. S. 73–88.

⁹⁷ Kuhn-Chen. Op. cit. S. 199–201, 243–247.

⁹⁸ Zawadzki T. Die Konzeption der römischen Staatsverfassung in der politischen Doktrin des Cassius Dio // *Analecta Cracovensia*. 1983. 15. S. 318.

ской программы, представленной в речах, способствовала изменению политического курса при новом императоре⁹⁹.

Есть и другие интерпретации. Так, М.В. Эскрибано характеризует дискуссию Агриппы и Мецената как краткое обобщение тех политических идей, которые Дион развивает в своем труде. Обе речи отражают политические взгляды Диона, но не находятся в отношении теория–практика, как полагает Эспиноса Руис, а скорее соотносятся как протасис и аподосис. Ключ к пониманию речей следует искать в предисловии к ЛП книге, где история Рима представлена как последовательная смена форм правления: βασιλεία, τυραννίς, δημοκρατία, δυναστεία. Эскрибано присоединяется к точке зрения Р. Беринг-Сташевски о том, что для Диона характерно циклическое понимание истории¹⁰⁰. Возвращение Рима к монархии означает конец одного цикла и начало другого. Современность Дион рассматривает как очередной переход от монархии к тирании (первый раз переход от «монархии» к «тирании» произошел после правления Нумы Помпилия, второй раз – после Марка Аврелия¹⁰¹). Таким образом, в речи Агриппы отражены суровые реалии современной Диону эпохи, в то время как в речи Мецената представлен идеал Диона – смесь монархии и демократии¹⁰².

Не останавливаясь на подробной аргументации собственной точки зрения, отметим, что речь Агриппы действительно нельзя считать всего лишь подборкой литературных клише и фоном для речи Мецената. Признавая невозможность сохранения республики, Дион видит в ней ряд достоинств, о чем довольно красноречиво свидетельствует его итоговая оценка деятельности Октавиана Августа. Согласно Диону, римляне оплакивали смерть Августа, так как он, совмещая монархию с демократией, сохранил для подданных свободу и в то же время навел порядок в государстве, так что римляне «...стали подданными, но не рабами, гражданами демократического государства, но без внутренних распрей» (LVI. 43. 4). Дион, таким образом, не скрывает, что монархия имеет некоторые недостатки. Об этих недостатках говорится в речи Агриппы, причем акцент делается на тех проблемах, которые были актуальны и для самого Диона, и для его современников. Для понимания политической позиции историка принципиально важна его оценка личности и деятельности основателя принципата, поскольку именно в созданной Августом системе он видит некую модель, которая может служить ориентиром для решения современных Диону государственно-политических проблем¹⁰³. Неоднозначно оценивая личность Октавиана, Дион в целом позитивно рассматривает его достижения по выводу государства из кризиса и созданию оптимальной формы правления¹⁰⁴. Кроме того,

⁹⁹ Espinoza Ruiz. El problema de la historicidad... P. 308–314; *idem*. Debate Agrippa-Mecenas... P. 471–490.

¹⁰⁰ Bering-Stashevsky. Op. cit. S. 126–129.

¹⁰¹ Cp. Fechner. Op. cit. S. 175–197.

¹⁰² Escribano. Op. cit. P. 171–190.

¹⁰³ Giua. Augusto nel libro 56... P. 449–456; Kemezis. Op. cit. P. 105 ff., 116–117.

¹⁰⁴ Об оценке Дионом личности и деятельности Августа см. Tränkle H. Augustus bei Tacitus, Cassius Dio und dem alteren Plinius // WS. 1969. 3. S. 108–130; Rich. Dio on Augustus...; Giua. Augusto nel libro 56...; Reinhold M., Swan P.M. Cassius Dio' Assessment of Augustus // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate / Ed. K. Raaflaub, M. Toher. Berkeley, 1990. P. 155–173; Swan. The Augustan Succession... P. 13–17; Марков К.В. Начало политической карьеры Октавиана Августа в оценке Диона Кассия // Из истории античного общества. Сб. науч. тр. Вып. 9–10 / Под. ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2007. С. 323–342.

проект государственных преобразований, изложенный Меценатом, содержит в себе практические рекомендации по решению тех проблем, которые обозначены в речи Агриппы. Следовательно, речи образуют единое целое как в композиционном плане, так и в плане тех идей, которые в них заложены.

Таким образом, более обоснованной представляется точка зрения тех исследователей, которые рассматривают дебаты Агриппы и Мецената как выражение политической программы и политического мировоззрения самого Диона, на идеи которого большое влияние, безусловно, оказали и размышления греческих классиков (Ксенофонта, Исократа и Геродота) о лучшем правителе и оптимальном государственном строе, и эллинистические представления об идеальном монархе, и популярный в римской элите стоицизм¹⁰⁵. Но вложенные Дионом в уста Мецената идеи и конкретные предложения, вне всякого сомнения, есть итог его собственных, подчас горьких, размышлений и богатого жизненного опыта. Дион как политический реалист, прекрасно осознававший сколь непостоянной может быть добрая воля монарха, в отличие от других идеологов принципата возлагал надежды не столько на благосклонность правителей, сколько на определенную реорганизацию системы управления державой. Думается, что автор «Римской истории» все же не был утопистом. Как человек практического склада ума, имея за плечами солидный опыт государственной службы, Дион менее всего был склонен к абстрактному теоретизированию. Можно поэтому согласиться с выводом Б. Форте: «Политическая философия Диона была основана на классовых интересах и личном опыте, а не на платонических и стоических идеалах. Он был прежде всего практическим человеком от мира сего»¹⁰⁶.

И наиболее полное, хотя отнюдь не прямолинейное выражение политическая философия и практические предложения Диона находят в дебатах Агриппы и Мецената, отнесенных к тому ключевому моменту в истории Рима, когда судьба Республики после столетней смуты была решена, а структуры будущего государственного порядка еще не были видны и их нужно было искать и строить. Таким же, по сути, было и время Диона, когда принципат Антонинов сменился новой тиранией, новой смутой и новыми вызовами, на которые не было готовых ответов.

HISTORIAN AND CHALLENGES OF HIS TIMES: CASSIUS DIO'S «ROMAN HISTORY» AS A DOCUMENT OF THE THIRD-CENTURY HISTORICAL AND POLITICAL THOUGHT

A. V. Makhlayuk, K. V. Markov

The article analyses Cassius Dio's work and defines some social and cultural factors, mental attitudes, personal motives and career vicissitudes that formed and guided his political and historical views. Dio's «Roman History» took its definitive conceptual shape in the late 220s. The main feature of that work is the expression of personal experience via historical narrative, his self-positioning as a senator-historian, who is the only one able to be a real «mediator» between Rome's great past and his own days. The Roman past was important and significant for Dio so far as it remained in present and could be correlated with contemporary political processes. By using the means of precedent historiographic tradition, first of all that of

¹⁰⁵ См. об этих влияниях: *Millar. A Study...* P. 177 ff.; *Aalders. Op. cit.* P. 291 ff., 295 ff.

¹⁰⁶ *Forté B. Rome and the Romans as the Greeks saw them. Rome, 1973. P. 350.*

Thucydides, he gives an account of the Roman history as a whole, paying special attention to the Late Republican and Augustan times and looking intently into the actual problems of the Severan age. The feeling of total crisis of the Empire led Dio to detecting system and institutional changes underlying historical developments of the past and present times and to work out a coherent program of state reconstruction and reforms. This program is most explicitly formulated in the famous debate between Agrippa and Maecenas in Book 52. These two speeches form a compositional and conceptual unity, but it is in the Maecenas' speech that Dio suggests his responses to political challenges of his age. Some contradictions of the proposed program are more understandable if considered in the context of Alexander's rule. Therefore, the final composition of Book 52 may be dated to the very end of the 220s, when Dio achieved the top of his career, was favoured by Severus Alexander and, having some influence upon the emperor, could aspire at least partial realisation of his reformist thoughts. The complex of ideas and practical proposals expressed (though not in a straightforward way) in the Agrippa–Maecenas' debate is on the whole the sum of Dio's own political experience and reflections. As a political realist he excellently understood how changeable the good-will of a monarch could be and relied not on the ruler's benevolence, but on the reorganisation of the governmental system. As a historian, Dio extends the repertoire of historiographic techniques at the expense of critical treatment of contemporary politics and direct appeal to political theory. All these features as well as the impressive amount of the narrative enable us to characterise Dio's «Roman History» as a unique historical writing for the early 3rd century A.D.